

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей коллективной монографии изложены результаты междисциплинарного научно-исследовательского проекта «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики», поддержанного грантом РФФИ № 21-011-43023.

Основная **цель проекта** состояла в выявлении альтернативных концептов и противоречий, содержащихся в официальном российском дискурсе политики памяти о советском прошлом, в разнообразных стратегиях и способах интерпретаций исторических вех данного прошлого, в раскрытии неоднозначного содержания деятельности ключевых акторов современной политики памяти и особенностей репрезентаций значимых событий и фигур советской эпохи в коммеморативных практиках.

Актуальность проведенного исследования обусловлена как общими теоретико-методологическими проблемами развития теории и методов изучения феномена памяти, рассматриваемых в качестве относительно самостоятельного исследовательского направления в гуманитарных науках, называемого термином *memory studies*, так и задачами современной информационной борьбы, предполагающей активное включение средств и методов политики памяти в инструментарий противоборства, осуществляемого между российским внешним и внутренним политическим курсом и его идейными противниками.

Теоретическими источниками настоящего исследования послужили известные работы зарубежных авторов, среди которых следует прежде всего назвать Пьера Нора – составителя семитомного издания «*Les lieux de mémoire*»¹, труды Алейды Ассман² и Мориса Хальбвакса³, разработчи-

¹ Нора П. Франция. Память. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 1999. 333 с.

² Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое лит. обозрение, 2014. 323 с.; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Москва: Новое лит. обозрение, 2017. 272 с. и др.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр.

ков теории коллективной памяти П.Х. Хаттона⁴ и Т. Джадта⁵, авторов концепций режимов памяти и коммеморативных агентов – М. Бернхарда и Я. Кубика⁶, Д. Джовика⁷, А. Булл и Г. Хансена⁸, Р. Вагнер-Пасифиси и Б. Шварца⁹, Р. Хоркада¹⁰ и др.

Среди российских исследователей, оказавших идейно-теоретическое влияние на разрабатываемый проект, необходимо назвать Г.А. Бордюгова¹¹, А.Г. Васильева¹², Н.Е. Ко-

и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Новое изд-во, 2007. 348 с.

⁴ Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. Санкт-Петербург: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. 423 с.

⁵ Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.

⁶ Bernhard M., Kubik J. A Theory of the Politics of Memory // *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 4–17.

⁷ Jovic D. 'Official memories' in post-authoritarianism: an analytical framework // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2004. Vol. 6, № 2. P. 98. (97–108)

⁸ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9, № 4. P. 1–15; Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 25, № 6. P. 611–625.

⁹ Wagner-Pacifci R., Schwartz B. The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // *American Journal of Sociology*. 1991. Vol. 97, № 2. P. 376–420.

¹⁰ Hourcade R. Commemorating a Guilty Past. The Politics of Memory in the French Former Slave Trade Cities // *The Politics of Memory. Making Slavery Visible in the Public Space* / Ed. by A.L. Araujo. New York; Leningrad: Routledge, 2012. P. 124–140.

¹¹ Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. А. Касаева. Москва: АИРО-XXI, 2011. 255 с.

¹² Васильев А.Г. Современные memory-studies и трансформация классического наследия // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / под ред. Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2008. С. 19–49.

посова¹³, О.Ю. Малинову¹⁴, А.И. Миллера¹⁵, Л.П. Репину¹⁶. В процессе работы над проектом были приняты во внимание теоретико-методологические достижения авторов коллективных монографий, посвященных изучению определенных аспектов современной политики памяти¹⁷.

Предметом настоящего исследования стал официальный дискурс политики памяти, главной характеристикой которого является его «общая нацеленность на управление со стороны государства и иных мнемонических акторов коллективной памятью народа путем производства определенных способов интерпретаций прошлого, конструирования политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов, которые посредством коммеморативных практик, социально-гуманитарных ресурсов, «инфраструктуры памяти» и технологий прочно закрепляются в сознании

¹³ Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. Москва: Новое лит. обозрение, 2011. 320 с.

¹⁴ Малинова О.Ю. Коммеморация столетий революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. 2018. № 2. С. 37–56; Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–39 и др.

¹⁵ Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–23; Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 2 (80). С. 111–121 и др.

¹⁶ Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 181–190 и др.

¹⁷ Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 224 с.; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: колл. моногр. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.; Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 312 с. и др.

и поведении граждан, что в итоге формирует национальную идентичность и укрепляет легитимность существующей власти»¹⁸.

В более узком смысле непосредственным предметом нашего изучения стал *официальный дискурс политики памяти, производящий интерпретации и ментально-символические реконструкции исторических событий, образов и персоналий, относящихся к советской эпохе*. Началом данной эпохи является дата 7 ноября 1917 г., а концом – 30 декабря 1991 г. Поскольку данный проект посвящен 100-летию образования СССР, то в фокусе нашего внимания прежде всего оказались события, факты, исторические фигуры, коммеморативные практики, ознаменовавшие главные вехи становления, развития, расцвета, деформации и распада Советского Союза как государственного образования.

Основными методами исследования официального дискурса политики памяти о советском прошлом стали методы сравнительного анализа, критического дискурс-анализа, междисциплинарного подхода, что позволило комплексно изучать с позиций исторического, политологического, культурологического, педагогического и социологического подходов способы формулирования и реализации в различных сферах общественной жизни официальных дискурсов политики памяти об СССР.

В качестве **эмпирических источников** научного изучения стали многочисленные официальные документы и материалы, в которых получили свое отражение альтернативные стратегии и интерпретации политики памяти, проводимые разными ее акторами. В отдельную группу нами выделены **медиаисточники** официальной политики памяти, выступающие в качестве важных ресурсов закрепления в массовом сознании ее стратегических установок и символических форм. Среди данных медиаисточников – учебники и учебная литература, кинематографические произведения, современные СМИ и социальные сети. Медиаресурсы рассматриваются также в роли относительно самостоятельных акторов политики памяти, которые способны участвовать не только в широком распространении ее дискурса, но и в его корректировке.

¹⁸ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. № 19 (2). С. 160.

Новизна результатов, полученных в ходе работы над проектом, состоит в том, что впервые в российской исследовательской практике было осуществлено комплексное изучение основных стратегических установок, дискурсов и нарративов официальной российской политики памяти о советском прошлом, раскрыты структурные компоненты инфраструктуры современной политики памяти, реализуемой в постсоциалистических государствах Центральной и Восточной Европы и в странах СНГ. На основе анализа официальных источников и коммеморативных практик был выявлен целый ряд характерных черт стратегий декоммунизации и десоветизации, форм и видов их практической реализации, предлагаемых сторонниками неолиберального дискурса политики памяти как в России, так и в зарубежных государствах. Кроме того, впервые на основе применения методов сравнительного и критического дискурс-анализа в настоящей монографии проведено сопоставление альтернативных версий советского прошлого, полученных в процессе интерпретаций конкретных событий и политических практик значимых исторических фигур. При этом отмечались как сильные, так и слабые стороны представленных официальным дискурсом интерпретаций.

В структурном плане коллективная монография состоит из введения, четырех глав, которые разбиты в целом на 13 параграфов, заключения, библиографического списка, сведений об авторах. Первая глава содержит теоретический анализ основных структурных компонентов официальной политики памяти. Во второй главе раскрывается конфликтный характер официального дискурса политики памяти о советском прошлом, начиная с существующих неоднозначных трактовок Октябрьской революции и практик большевизма и заканчивая противоречивыми интерпретациями проблематики образования и распада СССР. Третья глава посвящена критическому изучению темы Победы СССР в Великой Отечественной войне, которая представляется в качестве стержневой основы российского дискурса политики памяти. В четвертой главе речь идет о способах преломления и закрепления официального дискурса политики памяти в массовом историческом сознании, где в качестве основных инструментов такого преломления выступают российский кинематограф и школьные учебники по отечественной истории. В завершающем разделе на основе проведенного качественного

социологического исследования посредством метода фокус-группы показаны особенности массового восприятия официального дискурса памяти о советской эпохе в сознании трех поколений российских граждан.